

А. ВОЛЫНСКИЙ

Книга великого гнева

<фрагмент>

<...> Может быть, самой типичной фигурой среди декадентов является Гиппиус. В отличие от Минского, декадента ума, это декадентка ощущений. Все, что она изображает и описывает, представляет собою какую-то тонкую ткань или, вернее сказать, паутину ощущений, сквозь которую она и смотрит на мир. Концепции ее рассказов рассудочны, не являются органическими художественными замыслами, а весь интерес ее беллетристического творчества заключается именно в этих декадентских, исключительно эстетических восприятиях. Ее описания природы кажутся прекрасными, как изящная гравюра, потому что природа и особенно красивая природа дает благодарный материал для чисто декадентских изображений. Но и эти описания Гиппиус, как и вся ее художественная работа, заключают в себе глубоко спрятанную фальшь: при внешней красивости, все это страшно безжизненно, дразнит нервы, но не проходит в душу, потому что лишено души и лишено даже той силы, которая развивается в иных декадентских натурах, оторвавшихся от чего-то могущественного в собственной душе. Какой-то слабый прохладный ветерок вечно колеблет паутину Гиппиус, в которой запутались, как мухи, эти, придуманные ею, всегда маленькие, всегда бескровные человечки. Они бессильно карабкаются, цепляются, злятся друг на друга, воображают себя чем-то большим, важным, но, в сущности, живут и умирают, как истинные мухи, с чуть слышным жужжанием. Автор, по-видимому, считает своих героев настоящими Люциферами, потому что он старается наделить их всеми свойствами декадентского типа, — на все дерзающим эгоизмом, враждою к морали и разными утонченно-ядовитыми склонностями, подхваченными из романов Достоевского. А между тем все более глубокие психологические мотивы,

не исключая и чисто декадентских, всегда несколько бессильны в ее произведениях, потому что она слишком многого не имеет в самой себе и даже в своем внешнем жизненном опыте идет на буксире чужих мотивов и чужих идей. Эти чужие идеи, чужие мотивы, всегда современные, можно сказать, взятые из кружкового обихода, она разменивает на тонкие дробные ощущения. Что-то болезненное, худосочное и вместе с тем претенциозное чувствуется в ее произведениях, манерных, кокетливых, шелестящих сухим шелестом женских шелковых юбок. Читающая публика раздражается, оскорбляется ими, потому что она невольно улавливает в них глубокий нравственный изъян, что-то бесплодное, мертвенное именно в том самом пункте, где другим людям, даже декадентам в их односторонности, приходится страстно бороться с самими собою. В последнее время Гиппиус, внушаясь новыми идеалистическими веяниями, начинает выдвигать божественную сторону в человеческой природе, то именно, что раньше пренебрежительно отбрасывалось ею, и мечтать о победе над душевным раздвоением, но эти ее тенденции отдают еще большею фальшью, потому что здесь в ней нет уже ничего оригинального и прочувствованного. Эти ее разговоры о Боге, это хождение в гости к Богу отзываются суетою нового кокетства, нового интересничанья.

Остается сказать еще о последнем декаденте в области русской беллетристики, который быстро составил себе известность, одно время даже шумел, но в настоящее время уже иссяк и исчез из литературы. Я говорю о Сологубе, авторе нескольких талантливых стихотворений, одного очень талантливого очерка под названием «Тени» и немногих повестей и рассказов, сразу показавших границы его дарования. Сологуб тоже декадент ощущений, кое в чем родственник Гиппиус, более сильный и мрачный, чем она, но уступающий ей в умственной культурности. В рассказе «Тени» прозвучало какое-то скорбное безумие, что-то глубоко пессимистическое. Какой-то русский Шопенгауэр, вышедший из удушливого подвала, посмотрел на мир и сказал, что все это тени. Полное непризнание мира, всех его радостей, всех его волнений. Если бы у Сологуба хватило силы идти далее этим путем, если бы у него хватило душевного и умственного содержания, из него выработался бы большой писатель. Но этот мрачный подвал, из которого он на минуту вышел, не оставил в нем ни сил, ни крови, ни настоящей фантазии, которая, цепляясь за впечатления жизни, превращает их в поэтические символы. То, что написано Сологубом после «Теней», полно болезненных галлюцинаций, нравственных извращений и передает в грубой, не-

художественной форме миазмы какого-то разложения, внешней и внутренней бедности. Критика сразу накинулась на слабую сторону его произведений и воспользовалась ею, чтобы скомпрометировать русское декадентское движение. В самом деле, как Гиппиус раздражает бездушной кокетливостью, так Сологуб раздражал ее грубостью. И у того, и у другой улавливалась, кроме того, нравственная порча, которой никогда не было в произведениях настоящих русских талантов и которая никогда не будет привлекательна для русской публики.

По-видимому, это уже почувствовалось и самими декадентами, которые в России, как и на Западе, стали изменять своему декадентству и переходить в идеалистические течения. В России такая быстрая эволюция декадентства является особенно естественною, потому что нет народа, в котором с такою силою была бы выражена противоположная декадентству религиозная стихия, а также и потому, что декадентство есть создание чисто культурное и занесено в болотистую Россию западноевропейскими ветрами. Теперь оно явно разлагается, и, когда оно окончательно переродится в новую форму творчества, можно надеяться, что из всего этого движения выйдут какие-нибудь новые литературные силы. Это будет эпоха Достоевского, это будут люди одного с ним безумия. Толстовская традиция вся исчерпана в русской литературе, и высокий талант Чехова является последним словом в этом направлении. Полоса же Достоевского только еще начинается. Художественная мысль прошла через сознание человеческой раздвоенности, почерпнула в этом сознании трагический взгляд на человека и некоторую новозаветную надежду на иные, высшие формы жизни, новые формы искусства и новую, цельную красоту. <...>

